

ПОЧЕМУ МИР СТАНОВИТСЯ ДЛЯ НАС ВСЕ МЕНЕЕ ПРЕДСКАЗУЕМЫМ

Сегодня мир вплотную приблизился к глобальным экономическим переменам. Ожидания четвертой технологической революции, основанной на стремительном развитии информационных технологий и использовании искусственного интеллекта, заставляют как частные компании, так и целые государства искать новые подходы для достижения экономического роста и благополучия. Параллельно мы наблюдаем устаревание традиционных форм сотрудничества, размывание блокового мироустройства, а также снижение англосаксонской доминанты в сложившемся геополитическом порядке. Идет активный рост развивающихся экономик, которые все чаще заявляют свои права на участие в формулировании «правил игры», обуславливая относительный упадок исторического Запада и его эрозию.

На фоне дающего сбои процесса глобализации все более четко прослеживаются тенденции к уплотнению регионального сотрудничества, которое компенсирует ослабление управляемости на глобальном уровне. Можно даже сказать, что основное бремя в радикально трансформирующейся международной системе ложится на региональный уровень управления. Причем Евроатлантика, как это ни прискорбно, находится в состоянии двойного кризиса — глобального и регионального, поскольку, с одной стороны, некоторые сугубо региональные институты, такие как НАТО, претендовали и продолжают претендовать на глобальную роль или же Запад просто продолжает контролировать ключевые структуры глобального управления («семерка», Бреттон-Вудс), а с другой — нынешняя архитектура европейской безопасности, будучи перенесена из эпохи холодной войны, никак не может адаптироваться к требованиям времени, прежде всего в плане обеспечения ее открытости и инклюзивности.

Более того, в международных отношениях мы имеем дело с нелинейной и подвижной средой. Обстановка здесь меняется быстро, обнуляя вчерашние

или даже сегодняшние реалии. Многие виртуализируются, продолжая существовать формально, но уже не оказывая никакого реального воздействия на происходящее. Мир находится в той точке, когда краткосрочные изменения на отдельных страновых и региональных направлениях совпадают со сдвигами глобального характера, являясь выражением этих сущностных перемен.

Большую роль играют новые подходы, привнесенные Д. Трампом во внешнюю политику США, которая лишилась былого «демократизаторского» заряда в пользу доходящего до цинизма прагматизма. Вашингтон пытается вести дела без опоры на многосторонние институты и международное право, навязывая всем партнерам свои «правила», будь то в рамках «транзакционной дипломатии» или посредством ничем не прикрытого санкционного давления.

Те общественные настроения, которые привели Д. Трампа в Белый дом, набирают силу и в Европе. Брексит — яркий тому пример. Континентальная Европа настолько поглощена своими внутренними проблемами (кризисом доверия к элитам, вдруг ставшими туманными перспективами Евросоюза/еврозоны), что уже не служит маяком мирового развития, заметно «потеряв в весе» на международной арене и чуть ли не превратившись в «больного человека» мира.

Тем самым размываются казавшиеся незыблемыми основы международных отношений. Договоренности начинают рассматриваться не как ориентир в поведении, а как объект разного рода манипуляций ради оправдания собственного неправомерного поведения. Тревожным выглядит уже вошедшее в привычку апеллирование коллективного Запада к неким «правилам поведения», выдаваемым за международную норму. Следствием этого является развал многих договоренностей, таких как Совместный всеобъемлющий план действий по ядерной программе Ирана и Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, а также грубое нарушение Устава ООН — вторжение в Ирак, Ливию, удары западной коалиции по Сирии. Такой «правовой нигилизм» и игнорирование центральной роли ООН, демонстрация незаинтересованности в коллективной, а не блоковой выработке

новых норм международного права приводят к дестабилизации всей мировой системы, сложившегося в послевоенный период международного правопорядка.

Одним из ключевых элементов такой дезорганизации международной жизни остается стремление западных стран действовать с позиции силы даже в условиях подрыва монополии Запада на проецирование силы. Ярким примером этой инерции на уровне менталитета и практической политики является рост военных расходов НАТО, которые уже достигли 1 трлн долларов США в год. Осознание утраты своего былого доминирования в мировых делах заставляет США и их союзников нервничать, вследствие чего повышается риск непродуманных, резких шагов с их стороны с трудно просчитываемыми последствиями.

На этом фоне своеобразным «маяком стабильности» остается Совет Безопасности ООН. Он по-прежнему играет ключевую роль в системе международных отношений, позволяет эффективно противостоять вредоносным инициативам ряда стран. Очевидно, после серии провалов во внешней политике администрация Д. Трампа начинает задумываться о необходимости действовать с санкции СБ ООН. Как мы видим на примере венесуэльского кризиса, этот инструмент позволяет ответственным игрокам не допустить непоправимых последствий.

Другой пример — ситуация вокруг КНДР. Последовательное снижение непредсказуемости США, деградация их договороспособности заставляет Пхеньян требовать дополнительных гарантий на переговорах с Вашингтоном. Устным обещаниям больше нет веры, а значит, понадобятся тщательно проработанные, строго обязательные соглашения, которые могут быть выработаны только в многостороннем формате, с участием всех заинтересованных игроков и должны получить одобрение СБ ООН.

Это показывает, что устоявшиеся международные институты по-прежнему востребованы. В среднесрочной перспективе влияние силовых методов будет сокращаться в силу как низкой эффективности, так и

чрезмерной затратности, а главное, контрпродуктивности по отношению к интересам самих инициаторов силовых сценариев. Помимо прочих факторов следует назвать утрату англосаксонским миром — вследствие развития Интернета — контроля над международным информационно-медийным пространством. Информационные технологии создают ситуацию, когда Запад не может более диктовать всему миру выгодную для себя трактовку тех или иных событий и отрицать право на альтернативные точки зрения, квалифицируя их как «фейковые новости» и «постправду».

От этих информационных вызовов Запад пытается защищаться. Первые признаки этого мы видим уже сейчас. Например, в выпущенной на днях так называемой «Белой книге» правительства Великобритании предлагается ввести элементы государственного регулирования социальных сетей. Используя благовидные предлоги (борьбу с терроризмом и экстремизмом, защиту населения от возможных посягательств в Интернете и пресловутого «вмешательства извне» во внутривнутриполитические процессы), государство, по сути, намеревается получить не только доступ к персональной информации пользователей, но и мощный инструмент для использования соцсетей в интересах элит.

Эти тенденции наблюдаются и в финансовой сфере. С одной стороны, наряду с Международным валютным фондом и Всемирным банком мы видим рост авторитета Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Нового банка развития БРИКС и других структур. Раздражение Запада из-за такого развития событий ведет к усилению санкционной политики, судорожным попыткам закрепить монополию доллара, крепче привязать к нему «непослушные» страны. В свою очередь, следствием станет возрастающий антагонизм третьих стран и подрыв доверия к долларovým инструментам. Утрата веры в международные стабилизирующие механизмы повлечет за собой стремление государств вернуть золотые запасы на родину. Кроме того, сегодня создаются новые платежные системы, происходит диверсификация валют и уже ведутся разговоры о замене доллара в торговле нефтью.

Особую обеспокоенность вызывают попытки подавления экономических конкурентов политическими средствами. В этом смысле весьма показателен пример оказываемого на Западе давления на китайский концерн «Huawei». Вашингтон, неспособный честно конкурировать с растущей азиатской экономикой в сфере информационных технологий и искусственного интеллекта, возрождает далекие от цивилизованных способы ведения дел, такие как Координационный комитет по экспортному контролю времен холодной войны. Впрочем, эти меры все чаще приводят к эффекту, прямо противоположному искомому результату, способствуя еще большему обособлению стран, их опоре на собственные силы, что в итоге приводит к их самостоятельному развитию и появлению прорывных технологий за пределами Запада.

Таким образом, в кратко- и среднесрочной перспективе всем игрокам придется учитывать возросшие риски и непредсказуемость поведения былых мировых лидеров. Незападные государства будут вынуждены, с одной стороны, учитывать новый американский образ действий, с другой — искать «страховочные сетки», новые формы коллективной работы в кругу единомышленников. Компании по всему миру будут «закладываться» на повышенные политические риски, искать такие пути ведения дел, которые оградят их от произвола западных элит.

При этом, как представляется, в ближайшие десять лет в мире накопится «критическая масса» неприятия нынешних «ковбойских» подходов ряда западных стран. Параллельно встанут на ноги и укрепятся новые игроки и альтернативные институты в области безопасности и экономики. Это создаст условия для восстановления мирового равновесия и постепенного возвращения к цивилизованным формам урегулирования разногласий и международного поведения вообще.